

УДК 82-1.130.3.2-15

*Кристина Корнеева***ОБРАЗЫ ЧЕЛОВЕКА И ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
В ЛИРИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЗИНАИДЫ ГИППИУС**

У статті йдеться про те, що образи людини та людства займають особливе місце в творчості З. Гіппіус. Їх своєрідність зумовлена характерною для авторки антитетичністю мислення, що знаходить відображення у творчому порівнянні протилежних сторін проблеми і в змістовій подвійності будь-якого образу.

Ключові слова: Гіппіус, творчість, людина, лірична система, лірика.

В статье речь идет о том, что образы человека и человечества занимают особое место в творчестве З. Гиппиус. Их своеобразие обусловлено характерной для автора антитетичностью мышления, что находит отражение в творческом сопоставлении противоположных сторон проблемы и в смысловой двойственности любого образа.

Ключевые слова: Гиппиус, творчество, человек, лирическая система, лирика.

The article outlines that the images of man and mankind occupy a special place in the works by Z. Gippius. Their peculiarity is due to the characteristic for the author of antithetic way of thinking. Its principal features are poetic comparison of the opposite sides of any issue, and semantic duality of any image.

Key words: Gippius, works, human, lyric system, lyrics.

Проблема человеческой личности и человеческого общества, а также их взаимодействия — как между собой, так и с внешними силами, является актуальной для творчества любого автора. Что же касается лирического наследия З. Гиппиус, то в её поэтическом творчестве освещение данного вопроса имеет свою специфику.

Одной из ключевых особенностей лирики З. Гиппиус является склонность к построению бинарностей-антитез. Саму суть смысловой нагрузки поэтических антитез З. Гиппиус наиболее адекватно отразил И. Анненский: «Для З. Гиппиус в лирике есть только *безмерное Я*, не Я, конечно, не Его вовсе. Оно — и мир, оно — и Бог; в нём и только в нём весь ужас фатального дуализма; в нём — всё оправдание и всё проклятие нашей осуждённой мысли; в нём — и вся красота лиризма З. Гиппиус» [1, с. 11]. Помимо И. Анненского, тайную идею всех «противо-

положностей», нашедших отражение в лирике З. Гиппиус уловил начинающий поэт и критик-символист А. Смирнов, по мнению которого, в поэтическом мире З. Гиппиус на самом деле присутствует лишь одна большая идея, постепенно раскрывающаяся в своих разных степенях (цит. по: [2, 12]).

Освещение человеческих взаимоотношений в творчестве З. Гиппиус также носит неоднозначный характер. Отношение лирических героев З. Гиппиус к другим людям отмечено двумя крайностями. *Другие* могут восприниматься как:

– абсолютно чуждые, враждебные субъекты, взаимопонимание с которыми невозможно, а посему любой контакт с ними воспринимается резко негативно;

– Божественные Творения, родственные друг другу уже тем, что все они созданы Всевышним, с которыми лирический герой ощущает неразрывное единство, которое, однако, в свою очередь может быть как позитивным (тотальная Божественность, Вселенская Любовь), так и негативным (общая беда, общее несовершенство творения);

В качестве примеров первого типа взаимоотношений можно привести стихотворение «К пруду» (1895), основанное на резком противопоставлении лирического героя окружающим его людям. В нём утверждается факт инородности лирического героя, чуждости земному бытию и, как следствие, неспособности жить в мире живых, приземлённых людей, которые не могут вызвать в его душе ничего, кроме ненависти: «Не осуждай меня, пойми: // Я не хочу тебя обидеть, // Но слишком больно ненавидеть, — // Я не умею жить с людьми. // И знаю, с ними — задохнусь. // Я весь иной, я чуждой веры...» [2, с. 62]. В творчестве З. Гиппиус немало и других подобных примеров, останавливаться на которых более подробно нет необходимости.

Второй полюс отношения к людям как к существам духовно родственным прекрасно иллюстрируется строками из стихотворения «Сны» (1901): «Притихшие дети, веселые странники, // И те, кто боялся, что сил не дано... // Все ныне со мною, все ныне избранники, // Одною любовью мы слиты в одно» [2, с. 97].

Однако особый интерес вызывают те лирические произведения, в которых поэт не столько констатирует факт того или иного отношения своего лирического героя к людям или оценивает уровень их взаимодействия, сколько пытается объяснить причины такой ситуации, как это происходит в стихотворении «Только о себе» (1904): «Мы, — робкие, — во власти всех мгновений. // Мы, — гордые, — рабы самих себя. // Мы веруем, — стыдясь своих прозрений, // И любим мы, — как будто не любя. // [...] // Мы думаем, что новый храм построим // Для новой, нам обещанной, земли... // Но каждый дорожит своим покоем // И одиночеством в своей щели» [2, с. 137]. В данном случае уже само название стихотворения претендует на то, чтобы стать ключом к пониманию разделённости людей между собой, отсутствия между ними творческого взаимодействия и взаимопонимания. Исходя из текста стихотворения, корнем этой проблемы является эгоизм каждого отдельно взятого индивида, ошибочное почитание им собственной уникальности, в то время как он поражен тем же душевным недугом, что и все остальные.

В стихотворении «Мережи» (1902) людской разобщённости даётся несколько иное объяснение: «Мы долго думали, что сети // Сплетает Дьявол с простотой, // Чтоб нас поймать, как ловят дети // В силки беспечных птиц, весной. // Но нет. Опутывать сетями — // Ему не нужно никого. // Он тянет сети — между нами, // В веселье сердца своего. // Сквозь эту мглу, сквозь эту сетку, // Друг друга видим мы едва. // Чуть слышен голос через клетку, // Обезображены слова» [2, с. 105]. Та же идея — только в ином метафорическом выражении — представлена и в стихотворении «Стекло» (1904): «В стране, где все необычайно, // Мы сплетены победной тайной. // Но в жизни нашей, не случайно, // Разъединя нас, легло // Меж нами тёмное стекло» [2, с. 134].

Как и в стихотворении «Мережи» (1902), основной образ стихотворения «Стекло» (1904) работает на создание ощущения механической преграды между людьми — то есть чего-то, что препятствует естественному взаимодействию людей. Иными словами, человеческая разделённость вос-

принимается автором не как некое естественное состояние, а как следствие стороннего (в данном случае дьявольского) негативного вмешательства. Однако если в «Мережах» (1902) З. Гиппиус ограничивается констатацией факта «звериного одиночества» человека, то в «Стекле» (1904) она находит способ противодействия искусственно созданной преграде: «Любовь, любовь! О дай мне молот, // Пусть ранят брызги, все равно, // Мы будем помнить лишь одно, // Что там, где все необычайно, // Не нашей волей, не случайно, // Мы сплетены последней тайной... // Услышит Бог. Кругом светло. // Он даст нам сил разбить стекло» [2, с. 134]. Данное стихотворение — пример того случая, когда противоположные состояния — размежёванности и единства сосуществуют в борьбе и единстве: «сплетённые единой тайной» разделены, но, разделённые, они, тем не менее, остаются едиными.

Но наиболее интересным примером описания человеческих взаимоотношений, по нашему мнению, является стихотворение «Напрасно» (1913). В нём отчётливо прослеживается тютчевский мотив ложности изречённой мысли, которая исключает полноценное взаимопроникновение людей во внутренние миры друг друга. При этом акцент стоит не на проблеме адекватности словесного выражения изначальной внутренней составляющей, а на особенностях самой человеческой природы, не позволяющей проникнуть дальше себя самого: «Я понимаю — оскорблю, // Не оттого, что не люблю, // А оттого, что скорбь — твоя, // А я не ты, и ты не я // [...] // Твоя душа... Не оттого ль // Даю так много ей, // Что все равно чужая боль // Не может быть моей? // [...] // Любви и жалости не верь, // Не открывай святую дверь, // Храни, храни её ключи, // И задыхайся — и молчи» [2, с. 205].

Исходя из этих слов З. Гиппиус, человеческое понимание друг друга, в сущности, мало что стоит, потому что по-настоящему прочувствовать всю глубину боли друг друга люди не в состоянии. Даже любовь и жалость — чувства, направленные на другого — результат взгляда, идущего со стороны, которому никогда не будет доступна картина внутреннего бытия *Другого*.

Однако, несмотря на такой подход к человеческим отношениям, в творчестве З. Гиппиус порою очень остро чувствуется равнодушие к жизни другого человека и возникающая в связи с этим моральная дилемма. Так, в стихотворении «Успокойся» (1904) ставится вопрос о том, возможно ли совместить любовь к человеку с принципиальным невмешательством в его жизнь: «Всё решено от Духа Свята, // Он держит всех судеб ключи, // Он всех спасет. Не трогай брата, // Не убеждай... Оставь. Молчи. // Но если всем своя дорога, // И есть завет: не прекословь, — // Зачем же нам, по воле Бога, // Дана — бездейственно — любовь?» [2, с. 115]

В данном стихотворении, помимо проблемы человеческих взаимоотношений, также была затронута тема Божественного вмешательства в жизнь человека. Вообще, в творчестве З. Гиппиус нередко мотивы «роптания» на Бога, связанные с тем, что Всевышний, по мнению лирического героя З. Гиппиус, несправедлив и слеп, и совершенно равнодушен к судьбе собственного творения. Мир же безнадежно отторгнут от Бога. Особенно ярко это отразилось в стихотворении «Крик» (1896): «Изнемогаю от усталости // Душа изранена, в крови... // Ужели нет над нами жалости, // Ужель над нами нет любви? // [...] // Без ропота, без удивления // Мы делаем, что хочет Бог. // Он создал нас без вдохновения // И полюбить, создав, не мог. // Мы падаем, толпа бессильная, // А сверху, как плита могильная, // Слепые давят небеса» [2, с. 63].

Нередко это ощущение неправильности существования мира, оторванного от Бога, а также невмешательства последнего в земные дела приобретает форму бунта и сопровождается довольно яростными нападками на Творца. Появляется мысль о том, что Богу не просто всё равно, что происходит с миром, а он намеренно желает свершающегося на земле ужаса. Этот мотив особенно ярко проявляется в антивоенных стихах З. Гиппиус, весь пафос которых направлен против насилия и бессмысленного кровопролития. Примером может служить стихотворение «Адонай» (1914): «Твои народы вопиют: доколь? // Твои народы с севера и юга. // Иль ты ещё не утолён? Позволь // Сынам земли не убивать друг друга. // Не

ты ль разбил скрижальные слова, // Готова землю для иного сева? // И вот опять, опять ты — Иегова, // Кровавый Бог отмщения и гнева!» [2, с. 180].

Бог, по мнению лирического героя З. Гиппиус, виновен уже в том, что с его молчаливого согласия свершается война. Но порой в лирических произведениях поэта звучит мысль о том, что, быть может, война — и есть та самая Божья воля, и всё свершается на Земле по его велению. Эта мысль нашла отражение в стихотворении «Без оправдания» (1916): «В последний час, во тьме, в огне, // Пусть сердце не забудет: // Нет оправдания войне, // И никогда не будет. // И если это Божья длань, — // Кровавая дорога, — // Мой дух пойдёт и с ним на брань, // Восстанет и на Бога» [2, с. 188].

С другой стороны, помимо протеста против несправедливости жизни, к ропоту на Бога поэта побуждает и чувство изначальной человеческой богоподобности, как это происходит в стихотворении «Свобода» (1904) В нём З. Гиппиус сталкивает два традиционно христианских (и вместе с тем совершенно противоречащих друг другу) взгляда на роль людей по отношению к Богу — рабы Божьи и Божьи дети: «Я не могу покоряться Богу, // Если я Бога люблю. // Он указал мне мою дорогу, // Как от нее отступлю? // Я разрываю людские сети — // Счастье, унынье и сон. // Мы не рабы, — но мы Божьи дети, // Дети свободны, как Он» [2, с. 121].

Здесь рождается осознание возможности взаимодействия с Творцом, понимание собственной равности Богу. Более того, иногда в стихах З. Гиппиус присутствует мысль о совместной ответственности Бога и человека за спасение последнего. По мнению поэта, данный процесс Бог и человек должны вершить вместе. Так, в стихотворении «Не знаю я, где святость, где порок...» (1907) появляется идея о том, что Бог не сможет спасти человека без согласия на то последнего «Он удивился твоему неверию // И чуда над тобой свершить не мог» [2, с. 108]) и что осуществить спасение человечества Бог и человек могут только совместно: «Не Он Один — все вместе совершим, // По вере, — чудо нашего спасения» [2, с. 108].

Суммуя вышесказанное, отметим, что, анализируя творчество З. Гиппиус, нельзя говорить об однозначном предпочтении какой-либо из представленных автором позиций. В данном конкретном случае для З. Гиппиус единство человека с остальными людьми и его же обособленность, величие Человека как творения Божьего и его же (человека) ничтожество и бессилие — является двумя параллельными, парадоксальным образом сосуществующими реальностями, непрестанно взаимодействующими между собой — как в творческом сознании автора, так и в объективной действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненский И. О современном лиризме. З. «Оне» / И. Анненский // Аполлон. — 1909. — № 3. — Отд. I. — С. 11.
2. Гиппиус З. Сочинения: Стихотворения. Проза / З. Гиппиус ; [сост., подгот. текста, вступ. ст., комм. К. Азадовского, А. Лаврова]. — Л. : Художественная литература, 1991. — 672 с.

Стаття надійшла до редакції 3 березня 2014 р.